

1835; 1842; «Последний поэт», 1835; 1842; «На что вы, дни! Юдольный мир явления», 1840), обнаруживается ряд стихотворений, в которых отражено иное мировидение, выражена вера в будущее человека и человечества, чувствуется сопричастность к чему-то гармоничному («Ахилл», 1841; «Рифма», 1840; «На посев леса», 1842–1843; «Пироскаф», 1844, «Молитва», 1841; 1844).

Разочарование заставляет лирического героя острее ценить то, что связано с жизнью, научило его извлекать из всего уроки и понять, насколько велика в жизни человека вера.

Литература

1. Абрамзон Т.Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // *Libri Magistri*. Вып. 1. Литературный процесс: историческое и современное измерения. 2015. С. 116–133.
2. Архангельский С.А. Е. А. Баратынский и его поэзия // *Под знаменем науки*. Юбилейный сборник в честь Николая Ильича Стороженка. М., 1902. С. 28–48.
3. Баратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1989.
4. Гайворонская Л. В. Генезис характера 'поэт' в русской литературе XVIII в. // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. 2012. № 5. С. 73–82.
5. Зверева Т.В. О чем молчит «Ода, выбранная из Иова» М. Ломоносова, или еще раз об «умении прочесть оду» // *Филологический класс*. 2007. № 17. С. 37–41.
6. Письмо П.А. Вяземского К.Н. Батюшкову от 5 апреля 1815 г. // *Литературный архив*. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 141–142.
7. Рудакова С.В. Меж отчаянием и верой (об экзистенциальных и теодицейных мотивах в творчестве Е.А. Боратынского) // *Церковь и время*. 2013. № 3. С. 205–220.
8. Рудакова С.В. Мотив разуверения в лирике Е.А. Боратынского // *Вестник славянских культур*. 2013. Т. 27. № 1. С. 63–70.
9. Рудакова С.В. Основные образно-семантические категории поэтического мира Е.А. Боратынского. Магнитогорск, 2013.
10. Семенко И.М. Баратынский // Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. М., 1970. С. 221–291.
11. Федосеева Е.Н. Жалобы библейского Иова в поэтической интерпретации Е.А. Боратынского // *Вестник московского государственного областного университета*. Сер.: Филология. 2008. № 4. С. 166–172.

References

1. Abramzon T.E. K voprosu o russkom schast'e (poehziya XVIII veka) [On the question of Russian Happiness (poetry of XVIII century)]. *Libri Magistri*. Vol. 1. Literaturnyi process: istoricheskoe i sovremennoe izmereniya, 2015, pp. 116–133.
2. Arhangel'skii S.A. E.A. Baratynskii i ego poehziya [EA Baratynsky and his poetry]. *Pod znamenem nauki. Yubilejnyi sbornik v chest' Nikolaya Il'icha Storozhenka* [Under the banner of science. Festschrift in honor of Nikolai Ilyich Storozhenko]. Moscow, 1902, pp. 28–48.
3. Baratynskii E.A. *Poln. sobr. stihotvorenii* [Complete works]. Leningrad, 1989.
4. Gaivoronskaya L.V. Genезis haraktera 'poet' v russkoi literature XVIII v. [The genesis of the character of 'poet' in Russian literature of the XVIII century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology], 2012, № 5, pp. 73–82.
5. Zvereva T.V. O chem molchit «Oda, vybrannaya iz Iova» M. Lomonosova, ili eshche raz ob «umenii prochitat' odu» [What does "Ode selected from the Job" by Lomonosov keep silence about, or once again about the "ability to read the ode"]]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2007, № 17, pp. 37–41.
6. Pis'mo P.A. Vyazemskogo K.N. Batyushkovu ot 5 aprelya 1815 g. [Letter of P.A. Vyazemsky to K.N. Batyushkov on April 5, 1815]. *Literaturnyi arhiv. Materialy po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli* [Literary Archive. Materials on the history of Russian literature and social thought], St. Petersburg, 1994, pp. 141–142.
7. Rudakova S.V. Mezhd otchayaniem i veroi (ob ehkzistencial'nykh i teodiceinykh motivakh v tvorchestve E.A. Boratynskogo) [Between despair and faith (about existential and theodicy motives in the works of E.A. Boratynsky)]. *Cerkov' i vremya* [Church and time], 2013, № 3, pp. 205–220.
8. Rudakova S.V. Motiv razuvereniya v lirike E.A. Boratynskogo [Motif of losing faith in the lyrics by E.A. Baratynsky]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Herald of Slavic Cultures], 2013, T. 27, № 1, pp. 63–70.
9. Rudakova S.V. *Osnovnye obrazno-semanticheskie kategorii poehticheskogo mira E.A. Boratynskogo* [The basic image and semantic categories of the poetic world of E.A. Baratynsky]. Magnitogorsk, 2013.
10. Semenko I. M. Baratynskii [Baratynsky]. *Semenko I.M. Poehty pushkinskoi pory* [I.M. Semenko Poets of Pushkin Times]. Moscow, 1970, pp. 221–291.
11. Fedoseeva E.N. Zhaloby bibleiskogo Iova v poehticheskoi interpretacii E.A. Boratynskogo [Complaints of the Biblical Job in poetic interpretation of E.A. Baratynsky]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. «Filologiya»* [Bulletin of Moscow State Regional University. Ser. "Philology"], 2008, № 4, pp. 166–172.

УДК 82.09

Е.Е. Соловьева

Череповецкий государственный университет

КОНЦЕПЦИЯ «КОНКРЕТНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ» В ТРУДАХ Д.С. ЛИХАЧЕВА И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В статье рассматривается понятие «конкретное литературоведение», предложенное Д.С. Лихачевым. Проанализированы основные научно-методологические принципы подхода: контекстуальность, точность, историзм, диалогизм, а также методические принципы (опора на факт, тщательная проверка и сопоставление фактов) и формы исследования (комментарий, интерпретация). Концепция Д.С. Лихачева носит полемический характер и направлена против безосновательных теоретиче-

ских спекуляций. Логичный, конкретный и ориентированный на традиции отечественного литературоведения, этот метод анализа текста сохраняет свою актуальность.

Д.С. Лихачев, «конкретное литературоведение», литературоведческий метод, методика анализа текста.

Academician Dmitry Likhachev, famous scholar of Old Russian manuscripts, created some new methods of interpretation and analysis of text. One of them was named “concrete literary studies”. For Likhachev the object of “concrete literary studies” was the area between reality and literature. Its content and borders are considered in the article as well as its specific features, such as contextuality, principle of dialogue and exactness. The origin of this complex method dates back to the twentieth century Russian literary criticism, but not to formalist’s studies. The aim of the article is to understand whether “concrete literary studies” are still up to date.

Dmitrii Likhachev, “concrete literary studies”, correlation between reality and literature.

Введение

Академик Д.С. Лихачев за свою долгую и плодотворную научную жизнь ввел в обиход литературоведения много новых понятий и терминов. Как верно подмечено в статье, опубликованной к 100-летию ученого, «сделавший множество научных открытий Д.С. Лихачев считал, что ученый должен уметь обозначить свою новацию соответствующим термином» [2]. В исследованиях, посвященных научной деятельности Д.С. Лихачева, всегда уделяется внимание его книге «Литература – реальность – литература» и разработанному в ней понятию «конкретное литературоведение». В. П. Адрианова-Перетц и М. А. Салмина называют его «важнейшим методологическим приемом» [1], М.А. Федотова [12] и А.Т. Хроленко [13] «методикой». Чем же было для Д.С. Лихачева «конкретное литературоведение» – частной методикой или определяющим научно-методологическим принципом? И актуально ли это направление сегодня?

Основной текст

Впервые понятие «конкретное литературоведение» было сформулировано в книге «Литература – реальность – литература (1984 г.). Она состоит из конкретных наблюдений над некоторыми произведениями русской литературы XIX–XX вв. В предисловии к сборнику автор так определяет «конкретное литературоведение»: оно «занято главным образом /.../ пограничной зоной между реальностью и литературой /.../. Оно дает частные объяснения частным же явлениям литературы, приучает к медленному чтению, к углубленному пониманию произведений в реальной обстановке и к реальному пониманию стиля – не только его особенностей у того или иного писателя, но и к пониманию причин появления этих особенностей» [8].

Д.С. Лихачев определяет объект исследования – культурно-исторический и литературный контекст, в котором формируется и существует произведение. В статье 1986 г., посвященной памяти академика М.П. Алексеева, специалиста по английской литературе и сравнительному литературоведению, Д.С. Лихачев уточняет сферу деятельности своего подхода: оно «устанавливает даты и места, обстоятельства и варианты в написании различных произведений, уточняет или устанавливает биографические данные, причины, побудившие автора взяться за перо или выбрать ту или иную тему, ее версию», «изучает влияния – общие и частные, взаимозависимость произведений и их авторов», «занимается комментиро-

ванием – научным комментированием» [7]. Внимание литературоведа может привлечь история создания и публикации произведения, определенные факты биографии писателя, факторы, определяющие его внутренний, но не сами по себе (сами по себе они могут стать предметом изучения смежных дисциплин, например, текстологии, биографического или психологического литературоведения). Предметом же исследования «конкретного литературоведения» является смысл произведения, его стиль, весь комплекс его идейно-художественных особенностей. И не только в своем окончательном виде, но в процессе становления.

Каковы основные методологические принципы «конкретного литературоведения», если рассматривать его как целостный, комплексный метод исследования? Во-первых, контекстуальность анализа литературного произведения, которое неразрывно связано с реальностью, выходя в нее: «Всякое литературное произведение существует в определенной среде: в среде реальной и в среде окружающих его литературных произведений, на которые оно отвечает или которые продолжает, с которыми спорит или соглашается» [8].

Вторую особенность, непосредственную связанную с первой, можно было бы назвать готовностью к изменению, реакции, так как литература диалогична по своей природе: «История литературы не пассивно воспринимает воздействие действительности, это вечный спор – спор внутри самой литературы и с внешней средой» [8]. В этих размышлениях заметно влияние идей М.М. Бахтина о роли контекста и диалогизме художественного слова.

Третий принцип – точности. Применительно к литературоведению, это «точность истолкования произведения». Д.С. Лихачев высоко ценил точность, которая достигается «кропотливыми, методически четкими частными исследованиями» [8]. Именно для этого и нужны возможности, методики, исследовательский аппарат специальных, или вспомогательных дисциплин, среди которых ученый особенно ценил текстологию, которой сам занимался с удовольствием.

Концепция «конкретного литературоведения» глубоко укорена в принципе историзма, которым проникнуты все сочинения Лихачева. Описывая принцип историзма, исследователь показывает, как дыхание времени, растворенное в мелочах действительности, пропитывает ткань литературного произведения, присваивает его себе, превращает его в себя: «Всякое литературное произведение создается в

обстановке воздействия на него действительности, обусловлено этой действительностью – личностью автора, биографическими и историческими обстоятельствами, литературой своего времени и литературным развитием. Вся эта действительность – в широком понимании этого слова – воздействует и на форму, и на содержание произведения одновременно» [10, с. 157].

Статьи, собранные в сборнике «Литература – реальность – литература», демонстрируют специфику метода. Так, например, оттолкнувшись от пушкинской строки «В те дни, когда в садах Лицея Я безмятежно расцветал», исследователь анализирует семантику садов в русской культуре XVIII–XIX вв. Смысл рогатых женских головных уборов, стилистика «предисловного» рассказа Достоевского, традиции «войинской повести» в «Войне и мире» Л. Толстого, «адреса» блоковских образов – все это разные грани «конкретного литературоведения».

Принципы «конкретного литературоведения» созвучны научному творчеству Д.С. Лихачева в целом. Характеризуя его научный подход, В.П. Адрианова-Перетц и М.А. Салмина подчеркивают: «Неуклонно следуя по пути изучения конкретных связей литературы как части культуры с исторической действительностью, Д.С. Лихачев с этой позиции исследует и своеобразие художественного мастерства древней русской литературы» [1].

Принципы историзма и точности определяют и методику исследования текста: «Объяснения (текста) отыскиваются в исторической действительности, в быте и обычаях, в реалиях города, даже в самой предшествующей литературе, взятой как некая реальность» [8]. В качестве образца Д.С. Лихачев приводит научную деятельность М.П. Алексеева, специалиста по английской литературе и компаративистике, подчеркивая при этом не только скрупулезность последнего, но и мастерство интерпретации, умение соединить обилие фактов в стройную, продуманную и доказательную концепцию: «Каждый выявленный факт рассматривался им не изолированно, но во всем многообразии и диалектической сложности его зависимостей, связей и воздействий, в самых различных проявлениях» [7, с. 47–48]. Так, например, Д.С. Лихачев перечисляет, что включает в себя исследование литературного генезиса «Памятника» А.С. Пушкина: история восприятия и толкования стихотворения в России и за рубежом, творческая история произведения в контексте творческой биографии поэта, анализ образной системы и поэтической семантики. Результатом этой титанической работы стала книга объемом в 20 авторских листов «Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения» (1967). При этом можно быть абсолютно уверенным в обоснованности любой из рассмотренных литературно-художественных ассоциаций.

М.П. Алексеев при всем различии сфер интересов был для Д.С. Лихачева научным единомышленником. Его особая любовь к работе с рукописями, архивными документами не могла не импонировать специалисту по древнерусской литературе. Вот что писал М.П. Алексеев о важности архивных изыска-

ний: «Оказалось, что между отдельными найденными рукописями, разновременными и, как представлялось, случайными, существует сложная внутренняя связь, а сами они являются важными и заметными звеньями в целой цепи устойчивых личных контактов или творческой зависимости между русскими и английскими поэтами и литераторами» [3, с. 12].

Д.С. Лихачев отмечает «богатый и многосторонний библиографический аппарат, неизменно содержащийся в трудах ученого, удостоверяющий подлинность приводимых им сведений и правильность его умозаключений» [7, с. 52]. Подстрочные замечания в трудах академика М.П. Алексеева порой превосходят по объему основной текст. Д.С. Лихачев сравнивает их с мини-экскурсами. Удивительно, на мой взгляд, не то, что автор их оставляет, а то, что оставляет их за скобками, и в этом двойная ценность: сохраняется удивительная прозрачность письма и предоставляется материал для размышления будущим исследователям.

Приводя довольно пространные цитаты из сочинений М.П. Алексеева, Д.С. Лихачев проясняет важные для «конкретного литературоведения» методические принципы: опора на факт, кропотливая работа с текстом, архивными источниками; исчерпывающий анализ литературы вопроса; поиск взаимосвязей литературных фактов, тщательность в собирании доказательной базы.

Для понимания того, почему Лихачеву нужно было сформулировать понятие «конкретное литературоведение», необходимо учитывать и ситуацию в науке. В.Г. Попов в биографии ученого пишет: «Модному течению той поры, так называемому «чистому литературоведению», Лихачев противопоставляет созданное им “конкретное литературоведение”» [11]. Имманентный анализ, изучение произведения как такого, взятого в отрыве от конкретно-исторических условий, было чуждо специалисту по истории древнерусской литературы, и поэтому он не принимал формализм. Определенные опасения вызывал у Лихачева и структурализм как наследник формальной школы [см.: 9]. Полемический задор заряжает описания преимуществ «конкретного литературоведения» перед абстрактным теоретизированием: «История текста произведения, восстановленная по черновикам, беловым рукописям и прижизненным печатным изданиям, позволяет /.../ точно судить о замысле автора, /.../ не прибегая к домыслам, гипотезам, предположениям, а иногда и просто гаданиям». И далее уже прямое предостережение: «Субъективные истолкования произведения – не только замысла, но и стиля – больше всего дискредитирует литературоведение как науку» [8]. Было бы в высшей степени несправедливо обвинять академика в недоверии к высокому теоретизированию, скорее это выстраданный протест против определенной научной моды.

Суть разногласий – в приоритетах: «Характерная черта теоретических построений Д.С. Лихачева – созданные им теории никогда /.../ не являются наложением на изучаемый предмет неких отвлеченных схем, но вытекают из знания, опирающегося на анализ источников» [2]. И в этом, как и во многом дру-

гом, проявляется этический компонент научной деятельности Д.С. Лихачева, предъявлявшего высочайшие требования, прежде всего, к самому себе.

Высоко оценивая возможности своего метода, Д.С. Лихачев тем не менее не считал его единственным или исключительным: «Конкретным литературоведением отнюдь не исчерпывается литературоведение как таковое. Литература – явление чрезвычайно многообразное и сложное» [8]. И в этом проявлялась широта мышления ученого и гибкость в подходах к разным сторонам и аспектам текста.

«Конкретное литературоведение» не стало новым направлением в науке, наверно, потому что оно не ново, а глубоко укоренено в традициях русского академического литературоведения. Оно не объединило вокруг себя группу горячих сторонников и последователей, потому что требует не горячей, а холодной головы и большого, кропотливого труда.

На просторах нашей Родины трудится немало энтузиастов-литературоведов, практически воплощающих принципы «конкретного литературоведения». Среди таких была и Р.М. Лазарчук, всю жизнь стремившаяся к научной объективности и безупречной точности. Она изучала архивы, историю произведений, личность писателей и их окружение и т.д. Во введении к книге «К.Н. Батюшков и Вологодский край» Р.М. Лазарчук писала: «Мы стремились к установлению истины. Иногда это удавалось, но не только потому, что, оказавшись терпеливее, настойчивее или удачливее других, мы находили тот самый бесценный документ, об открытии которого грезят исследователи. Нам было легче, чем нашим предшественникам, уже потому, что мы обследовали гораздо больший объем материалов, и давно известных, и новых. Мы сопоставляли документы, проверяя данные одного «показаниями» других, подвергая их перекрестному «опросу» [4].

Сама структура книги отражает балансирование исследования между реальностью и литературой: очерки, вошедшие в ее состав, образуют два блока. В первом – «Вологодское окружение К.Н. Батюшкова» – личность поэта, его характер и судьба рассматриваются в контексте реконструируемых на основе обширного архивного материала биографий лиц, с одной стороны, из его ближайшего родственного окружения, /.../ с другой – тех, кто волею обстоятельств оказался с ним рядом в годы его душевной болезни. «Герой» второго блока – Вологодский край (в его современных административно-территориальных границах). В этот блок входят три очерка. Первый дает ответ на вопрос: «Где же прошло детство К.Н. Батюшкова?» Второй представляет собой опыт исторической реконструкции природного ландшафта, предметного и культурного мира Хантамова (усадьбы предков Батюшкова по материнской линии). В третьем – «Вологодские адреса К.Н. Батюшкова» – дается документальное обоснование одного вологодского адреса поэта.

Показательна и монография «Литературная и театральная Вологда», состоящая из серии блистательных очерков об известных и малоизвестных, а то и вовсе забытых писателях, связанных с Вологодским краем. Литературовед воскресила для сегодняшнего

читателя тот литературный и культурный фон, без которого невозможно было бы появление гения К.Н. Батюшкова. В предисловии автор призналась: «Мы дорожили каждым фактом, любой деталью, если они что-то открывали в жизни далеких земляков» [5]. Концепция «конкретного литературоведения» Д.С. Лихачева нашла живой отклик в сердце Р.М. Лазарчук не только в силу сходства методов и приемов исследования, но и по своему нравственному заряду. Она писала, как будто опасаясь упреков в незначительности исследуемых имен: «Извлекая из забвения имена, явления, факты, мы восстанавливаем память, вне которой не существует культуры нации» [5]. В последний год Р.М. Лазарчук разработала программу учебного курса для аспирантов «Конкретное литературоведение», надеясь воспитать в молодом поколении ученых-филологов культуру литературоведческого исследования.

Выводы

Размышляя о сущности и структуре литературоведения, Д.С. Лихачев создал выразительную и достаточно гибкую формулу (он назвал ее «литературоведческой “розой”»): в центре – дисциплины, занимающиеся общими вопросами интерпретации текста, на периферии – более точные и вспомогательные. «Специальные литературоведческие дисциплины гарантируют ту необходимую степень точности, без которой нет конкретного литературоведения; последнее же, в свою очередь, поддерживает и питает точность» [6, с. 30]. «Конкретное литературоведение» находится на самой границе, так как цель его – интерпретация смысла произведения, а средства – анализ конкретных литературных фактов, взятых литературным произведением из реальности и сохранившихся благодаря этому в памяти. «Конкретное литературоведение» можно рассматривать и как оригинальный методологический подход к анализу литературного произведения, и как целостный методический комплекс. Смею надеяться, что концепция «конкретного литературоведения» с его ориентацией на зыбкую область между литературой и реальностью актуальна и сегодня.

Литература

1. Адрианова-Перетц В.П., Салмина М.А. Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999). Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=126>
2. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (К 100-летию со дня рождения). URL: <http://www.imli.ru/info/show/Stati-biografii-sotrudnikov/akademik-dmitrij-sergeevich-lihachev---k-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya/>
3. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. М., 1982. Т. 91. С. 12.
4. Лазарчук Р.М. Введение // К.Н. Батюшков и Вологодский край. Из архивных разысканий. Череповец, 2007. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/laza/rch/ukr/1.htm>
5. Лазарчук Р.М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов: Из архивных разысканий. Вологда, 1999.
6. Лихачев Д.С. Еще о точности литературоведения // Лихачев Д.С. О филологии. М., 1989. С. 27–30.

7. Лихачев Д.С., Левин Ю.Д. Конкретное литературоведение и труды М.П. Алексеева: [1896–1981, историка и теоретика лит., комментатора, специалиста в обл. междунар. связей рус. лит. и культуры] // Россия, Запад, Восток: встречные течения: к 100-летию со дня рождения акад. М.П. Алексеева. СПб., 1996. С. 46–52.

8. Лихачев Д. С. О конкретном литературоведении. Вместо предисловия // Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л., 1984. С. 4–10.

9. Лихачев Д.С. О точности литературоведения // Литературные направления и стили. М., 1976. С. 14–17.

10. Лихачев Д.С. Принцип историзма в изучении единства содержания и формы литературного произведения // Вопросы методологии литературоведения. М.; Л., 1966. С. 142–169. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/0351_Princip_istorisma_1966.pdf

11. Попов В.Г. Дмитрий Лихачев. М., 2013. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/popov-valerij-georgievich/dmitrij-lihachev>.

12. Федотова М.А. Литература – реальность – литература. Л., 1981. URL: http://likhachev.lfond.spb.ru/Monogr/liter_real_liter.htm

13. Хроленко А.Т. Основы современной филологии. М., 2013. С. 233.

References

1. Adrianova-Peret V. P., Salmina M. A. *Lihachev Dmitrii Sergeevich* (1906–1999). Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom) RAN. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=126>

2. *Akademik Dmitrii Sergeevich Lihachev* (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya). URL: <http://www.imli.ru/info/show/Stati-biografii-sotrudnikov/akademik-dmitrij-sergeevich-lihachev---k-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya/>

3. Alekseev M.P. Russko-angliiskie literaturnye svyazi (XVIII vek – pervaya polovina XIX veka) [Russian-English literary contacts (the 18th century – the first half of the 19th century)]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary inheritance]. Moscow, 1982, T. 91, p. 12.

4. Lazarchuk R.M. Vvedenie [Introduction] *K.N. Batyushkov i Vologodskii kraj. Iz arhivnykh razyskaniy* [K.N. Batyushkov and Vologda area. From archival research]. Cherepovec, 2007. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/laza/rch/ukr/1.htm>

5. Lazarchuk R.M. *Literaturnaya i teatral'naya Vologda 1770–1800-h godov. Iz arhivnykh razyskaniy* [Literature and theatrical Vologda of the 1770–1800th: From archival research]. Vologda, 1999.

6. Lihachev D.S. Eshche o tochnosti literaturovedeniya [About literary criticism accuracy]. *Lihachev D.S. O filologii* [About philology]. Moscow, 1989, pp. 27–30.

7. Lihachev D.S., Levin Yu.D. Konkretnoe literaturovedenie i trudy M.P. Alekseeva: [1896–1981, istorika i teoretika lit., kommentatora, specialista v obl. mezhdunar. svyazei rus. lit. i kultury] [Concrete literary criticism and M.P. Alekseev's works: [1896–1981, historian and theorist of lit., the commentator, the expert in the international ties of Russian lit. and cultures]. *Rossiya, Zapad, Vostok: vstrechnye techeniya: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. M. P. Alekseeva* [Russia, West, East: cross-currents: to the 100 anniversary of the academician M. P. Alekseev]. St. Petersburg, 1996, pp. 46–52.

8. Lihachev D. S. O konkretnom literaturovedenii. Vmes-to predislviya [About concrete literary criticism. Instead of the preface]. *Lihachev D.S. Literatura – real'nost' – literatura* [Literature – reality – literature]. Leningrad, 1984, pp. 4–10.

9. Lihachev D.S. O tochnosti literaturovedeniya [About literary criticism accuracy]. *Literaturnye napravleniya i stili* [Literary schools and styles]. Moscow, 1976, pp. 14–17.

10. Lihachev D.S. Princip istorizma v izuchenii edinstva soderzhaniya i formy literaturnogo proizvedeniya [The principle of historicism in studying of unity of contents and form of the literary work]. *Voprosy metodologii literaturovedeniya* [Literary criticism methodology questions]. Moscow; Leningrad, 1966, pp. 142–169. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/0351_Princip_istorisma_1966.pdf

11. Popov V.G. *Dmitrii Lihachev*. M., 2013. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/popov-valerij-georgievich/dmitrij-lihachev>.

12. Fedotova M.A. *Literatura – real'nost' – literatura* [Literature – reality – literature]. Leningrad, 1981. URL: http://likhachev.lfond.spb.ru/Monogr/liter_real_liter.htm

13. Hrolenko A.T. *Osnovy sovremennoi filologii* [Fundamentals of modern philology]. Moscow, 2013, p. 233.

УДК 8209

М.Ю. Трубицына

Череповецкий государственный университет

АСКЕТИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ В ТВОРЧЕСТВЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА И М.В. НЕСТЕРОВА

Статья посвящена актуальной проблеме обнаружения взаимосвязей литературы и живописи. В центре художественного анализа творчество писателя-эмигранта Б.К. Зайцева и художника М.В. Нестерова. Пейзаж в творчестве Зайцева и Нестерова – важная часть в раскрытии авторской концепции. Зайцев и Нестеров соединяют особенности реалистического искусства и элементы иконописи и передают через мотивы светоносности, тишины, прозрачности аскетизм северного русского пейзажа.

Литература русского зарубежья, пейзаж, аскетизм, мотив, иконопись, духовный реализм.

The article deals with interrelationship between literature and painting. Works of immigrant writer B.K. Zaitsev and painter M.V. Nesterov are analyzed. The landscape in their works is important to reveal the authors' concept. Zaitsev and Nesterov combine features of representationism and icon-painting and convey the austerity of the Northern landscape with the help of the motifs of light, peace and clarity.

Literature of Russian emigre community, landscape, austerity, motif, icon-painting, spiritual realism.